М.П. Жигалова
(Брест)

Духовное здоровье творчества Пушкина (К вопросу биографии и творчества)

О том, что Пушкин — естественный учитель жизни, провозгласил впервые Ф.Достоевский в своей знаменитой пушкинской речи. Эту мысль позже развил и Д.Мережковский в статье о Пушкине в «Вечных спутниках», которая есть, быть может, доселе самое значительное из всего, что сказано о Пушкине, и М.Гершензон в статье «Мудрость Пушкина», которую отличает любовно-внимательное отношение к духовному здоровью поэтического пушкинского творчества, и П.Струве в статье «Дух и душа Пушкина», отмечающий самое таинственное и самое могущественное, самое волшебное и чарующее — это обретение через Слово своего Духа; и И.Ильин, С.Франк... И это приходится повторять и теперь, потому что самая сложная задача познания Пушкина — это познание его духовного мира, широкого, сложного, многообразного.

Как же познать этот чарующий мир? Как понять и принять его Слово?

Постигнуть его творчество можно лишь тогда, когда постигнем его Дух. Именно Дух, а не мятущуюся душу, преданную страстям, не душу, «всецело не только подвластную «душевному» или «животному» телу, но и составляющему с ним нечто единое, а дух ясный, простой и тихий, смиренно склоняющийся перед неизъяснимым и неизреченным» [1].

В нем самым странным образом соединилась душа, которая «жадно, бешено предавалась наслаждениям» (Лев Пушкин), с Духом, подымавшимся на высоту ясновидения, с которой он преображал этот мир, касался иных миров и приближался к Божеству.

Пушкин родился в день Вознесения — и весь его жизненный и творческий путь явил собою непрестанное восхождение к

недостижимому на земле истинному идеалу Совершенства, который в его понимании представлял собой единый тройственный образ Истины, Добра и Красоты. «Дух Пушкина подымался на высоту и погружался в глубину, но душа его мучительно тосковала и подлинно трепетала в этих таинственных восхождениях и нисхожденьях, пока, наконец, сливаясь с духом, она не обретала «мерности в восторге пламенном и ясном», не смирялась перед Богом в «ясной тишине» [2].

Как мыслитель-мудрец, Пушкин выразил в своем творчестве духовную жизнь человека; его обобщения укладываются непосредственно в общие рамки его жизненной мудрости, примыкают к его наблюдениям над человеком и судьбой вообще. Вечные темы человеческой жизни — любовь, брак и семья, дружба, женщина, общение, смысл и ценность человеческой жизни, составляют неисчерпаемую сокровищницу его гениальных идей, выраженных живо, кратко, конкретно, а иногда и бегло, но всегда трезво и жизненно мудро.

Что же представляет собой жизненная мудрость, или жизнепонимание, Пушкина? Прежде чем ответить на этот вопрос, попробуем разобраться, в каком отношении находятся мысли, чувства, настроения Пушкина — творца и Пушкина — личности. Здесь важно не впадать в крайности: либо грубо искать в мотивах творчества признания об обстоятельствах интимной жизни поэта, либо, напротив, видеть в поэтическом творении лишь вымысел, не имеющий никакого отношения к подлинной, серьезной духовной жизни поэта. Поэту нет необходимости воспроизводить в творчестве внешние подробности своей эмпирической жизни, как нет необходимости «выдумывать» то, чего не пережито. Поэт, следовательно, способен духовно, эстетически переживать и воплощать мотивы, которые он конкретно не пережил в своей эмпирической судьбе. «При всем различии между эмпирической жизнью поэта и его поэтическим творчеством духовная личность его остается все же единой, и его творения так же рождаются из глубины этой личности, как и его личная жизнь и его воззрения как человека», — говорил С.Франк [3].

Таким образом, в основе творчества писателя лежит его духовный опыт, познавая который каждый из нас обретает духовное здоровье.

Нет сомнения, что все основные мотивы лирики Пушкина, идеи его поэм, драм, повестей были глубоко и жизненно продуманы, прочувствованы, то есть состояли в непосредственной связи с личным духовным миром поэта.

В творчестве Пушкина мы находим ряд основных, излюбленных духовных тем и идей, которые проходят через всю его

поэзию и находят подтверждение в биографических материалах, в его письмах и размышлениях. Это тема дома, семьи, домашнего уединения как основа духовной жизни человека. В таких стихотворениях, как «Гимн пенатам» (1829), «Домовому» («Поместья мирного незримый покровитель») (1819), Пушкин утверждает, что дом есть место вдохновенья, и просит домового «хранить селенье, лес, и дикий садик, и скромную семьи моей обитель» [5]. Хранить от опасных сил природы, от недружеского взора, заботится о счастье в родных пенатах. Другом «пенатов святых» представлен у Пушкина труд. В стихотворениях «Любовь к родному пепелищу...» («Два чувства дивно близки нам»), «Вновь я посетил» (1835), «Пора, мой друг, пора...» (1836) Пушкин призывает к творческому вдохновению, которое дает «обитель дальняя трудов и чистых нег», земля, дом и память как животворящая святыня, без которой жизнь была бы мертва и бессмысленна.

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

В письме к жене (1834) он признается: «Без семейственной неприкосновенности (жить) невозможно. Каторга не в пример лучше».

Тема равнодушия природы к человеческой судьбе и ее трагизму представлена в творчестве Пушкина такими произведениями, как «Элегия», роман «Евгений Онегин», «Стансы», «Цыганы», «Медный всадник», «Странник». В них автор отмечает бесчувственность природы («брось одного меня в бесчувственной природе»), ее вечную красу. В «Медном всаднике» он пишет: «<...> утра луч не нашел уже следов беды вчерашней; багряницей уже прикрыто было зло». С этим бесчувствием природы сближается и «бесчувствие холодное «народа, в силу которого все быстро вошло «в порядок прежний».

Духовный облик Пушкина был очень сложен, глубок и непроницаем. «На поверхности его бушевали волны страстей, в то время как в глубине своей души он оставался спокоен и недвижим, и там совершалась сокровенная работа гениальной мысли, проникающей к величайшим тайнам бытия и смерти» [6].

Неустанная внутренняя духовная работа, беспокойный, нервный ритм его духовной жизни, борьба света и тьмы — все это сопровождало Пушкина до самой смерти. Его страшила одна мысль — об уничтожении человека после смерти, но он гнал ее

от себя, и, преодолев окончательно свои последние духовные колебания и сомнения, он восклицает: «Конечно, дух бессмертен мой!». Мотив бессмертия, как основной, проходит сквозь ткань его напряженной мысли, принимая разные сочетания, — бессмертная мысль, бессмертное счастье. И эти записи, как мучительные искания его души, он старается затушевать. Прокручивая в памяти прожитые годы, поэт не скрывает своего разочарования во всем, чем его манила жизнь в легкомысленные молодые годы. «Безумных лет угасшее веселье» его тяготит, «как шумное похмелье».

Юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты.
Опомнимся, но поздно! —

.....

Душевных тайных мук
Не стоит мир: оставим заблужденья...
Мне стыдно идолов моих.

«К чему, несчастный, я стремился?» — с горечью признается он в «Разговоре книгопродавца с поэтом». Поэт понял, что источник счастья в самом человеке. По мнению М.Гершензона, «Пушкин хорошо знал чистое чувство греховности, то настроение, когда человек говорит себе : «Пусть я не властен, не согрешить, но мне больно и стыдно, что я так далек от совершенства».

Гораздо полнее и глубже воплощается его духовный облик в образе странника (стихотворение «Странник»), не бездомного скучающего скитальца, а паломника, взыскующего грядущего града. Скорбящий, томимый страхом смерти и загробного суда, он ищет безопасного духовного убежища от угрожающей погибели. Окружающие и даже собственная семья не понимают и не разделяют его тревог и слез. Он одинок. И в этом одиночестве несчастен. В поисках пути, с помощью таинственного юноши, он выбирает стезю, озаренную светом.

<...> держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг <...>

Оставив родной дом, семью, обрадованный странник без колебания бежит от мира суеты:

Дабы скорей узреть — оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

Но подлинная исповедь поэта-странника слышится в одном из его предсмертных стихотворений «Чудный сон мне Бог послал», которое было найдено в его бумагах после смерти и напечатано в «Русском Архиве» только в 1881 году.

Чудный сон мне Бог послал:
С длинной белой бородою,
В белой ризе предо мною,
Старец некий предстоял,
И меня благословляя,
Он сказал мне: «Будь покоен,
Скоро, скоро удостоен
Будешь Царствия Небес.
Скоро странствию земному
Твоему придет конец»...
Казни вечныя страшуся, —
Милосердия надеюсь —
Успокой меня, Творец!
Но Твоя да будет Воля,
Не моя ...
— Кто там идет?..

Так открылся для него новый мир, «убежище для всех пришельцев земного мира, которому и он вручил свою душу. Может быть, потому, что изведал на собственном опыте трудность борьбы с греховным соблазном, он никогда не бросал камень осуждения даже в падших, а предпочитал проявлять к ним милость.

Там, где это нужно, он умел склонить свою венчанную лаврами голову. Так, в поэтической полемике с митрополитом Филаретом о смысле жизни, наиболее ярко проявившейся в стихотворении «26 мая 1828» («Дар напрасный, дар случайный...»), Пушкин утверждал, что жизнью каждого из нас управляет слепой и жестокий рок, судьба, предначертанная человеку уже с рожденья.

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучной жизни шум.

Так как подобная безотрадная философия, распространяемая великим поэтом, не могла не волновать умы России, митрополит Филарет решил не оставлять это стихотворение («Дар

напрасный, дар случайный...») без внимания. Филарет доказывал, что судьба наша управляема волею Творца, который указывает нам путь к совершенству. А, отступив от воли Бога, мы сами становимся источником своих страданий и обретаем душевный покой и мир лишь только с возвращением в Его лоно.

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога нам дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из бездн земных воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.
Вспомнись мне, Забытый мною, —
Просияй сквозь сумрак дум, —
И созиждится Тобою
Сердце чисто, светлый ум!.. [7]

И хотя стихотворение Филарета было помещено в «Звездочке» без подписи, но оно стало известно Пушкину. Вскоре появились «Стансы» как всенародная исповедь поэта в своих заблуждениях и страстях, нежная, искренняя, изящная, полная нравственной гармонии, духовной силы и красоты.

В часы, забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.
Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.
И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты.
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.*

Филарет, «врачеватель ран» совести поэта, выступает здесь как целитель души, которая после пережитой внутренней бури испытывает опять умиротворение, ощущает снова радостную красоту жизни.

Идея просветления, оздоровления через страдания, тихой радости на дне скорби, верность месту, где вырос и живешь, друзьям, дому и семье, способность любить и быть любимым, бесплодие наслаждений и накопление в течение жизни мудрости, ничтожество славы, покаяние и нравственное очищение, благоволение к людям и вера в них, — это и есть пушкинские основы духовного здоровья каждого из нас.

Литература

1. *Струве П.* Дух и Слово Пушкина // Пушкин в русской философской критике. Сост. Р.Гальцева. - М., 1990. - С. 318.
2. *Вересаев В.* В двух планах: О творчестве Пушкина // Красная новь. - Кн.2. - 1929. - С. 200-201.
3. Г.Р.Державин: «Дух означает не ум в том смысле, как его понимает большинство философов <...>, но духовного человека, внутреннего человека, который воодушевляет тело <...>».
4. *Франк С. О* задачах познания Пушкина // Пушкин в русской философской критике. — С. 433.
5. *Пушкин А.С.* Соч. в 3 т. Т. 1. — Мн., 1986. — С.203. Здесь и далее произведения А.С. Пушкина цит. по: Пушкин А.С. Соч. в 3 т. - Мн., 1986.
6. А.С.Пушкин: Путь к Православию. - М., 1996. — С.88.
7. *Гершензон М.* Мудрость Пушкина // Пушкин в русской философской критике. — С.212.
8. А.С. Пушкин: Путь к Православию. — М., 1996. — С. 157.

По требованию цензора Пушкин должен был изменить редакцию последней строфы. Первоначальный вариант ее был таков:

Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном яжасе поэт.